

Кампания по изъятию церковных ценностей в Псковской губернии в 1922 г.

Русская Православная Церковь за свою тысячелетнюю историю пережила разные времена - периоды необычайного могущества и периоды жесточайших гонений. Одним из таких трагических периодов в истории православной церкви было первое советское десятилетие, когда церковь была лишена прав юридического лица, храмы и другие здания, предназначенные для богослужения, закрывались, уничтожались представители духовенства и даже рядовые верующие.

Данная статья посвящена кампании по изъятию церковных ценностей в Псковской губернии в 1922 г.

В течение длительного времени история этой национальной трагедии была известна только в общих чертах и большей частью в намеренно искаженном виде. Подлинные документы, инструкции носили гриф «совершенно секретно», хранились в секретных фондах и не были известны. И только лишь в конце XX столетия были опубликованы новые документы, новые факты, которые помогают понять цели, причины, сущность кампании по изъятию церковных ценностей.

Во второй половине 1921 г. в обширных районах страны разразился страшный голод. К маю 1922 г. в неурожайных районах Поволжья, Урала, Казахстана, Украины от голода умерло более 1 млн. человек.¹ Наряду с такой традиционной причиной голода как засуха, сказалась разруха, вызванная гражданской войной и связанная с экономическими экспериментами «военного коммунизма», а также с подавлением крестьянских восстаний и волнений в ряде районов страны.

В июле 1921 г. с целью борьбы с голодом на государственном уровне была создана Цен-

тральная Комиссия помощи голодающим при ВЦИК (ЦК Помгол) под председательством М.И. Калинина. Кроме того, Русская Православная Церковь сразу же откликнулась на народное бедствие. В августе 1921 года патриарх Тихон основал Всероссийский церковный комитет помощи голодающим и обратился с воззванием «К народам мира и православному человеку», в котором просил о помощи стране «кормившей многих и ныне умирающей с голоду». Церковью в короткий срок были собраны значительные средства для передачи их в помощь голодающим. Однако в ЦК РКП(б), Совнарком, НКВД, НКЮ и других ведомствах влиятельные должностные лица – Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Ем. Ярославский, П. А. Красиков, Н. И. Бухарин и некоторые другие – стали резко возражать против участия церкви в оказании помощи голодающим, ссылаясь на инструкцию НКЮ от 30 августа 1918 г., согласно которой религиозным организациям запрещалось заниматься благотворительной деятельностью. Всё же 8 декабря ВЦИК принимает постановление, разрешавшее религиозным организациям осуществлять сбор средств для оказания помощи голодающим.

6(19) февраля 1922 года в церковно-приходские общины и советы поступило патриаршее разрешение жертвовать на нужды голодающих: можно было и следовало сдавать драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления. Призыв патриарха нашел отклик среди архиереев. Так, митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский), по его словам, был готов снять драгоценный оклад с Казанской иконы Божьей Матери (главной святыни Петрограда), если это помогло бы спасти жизнь хотя бы немногим голодающим.

Набирающее силу православное движение помощи голодающим не входило в поли-

Иванова Марина Анатольевна – аспирантка кафедры отечественной истории Псковского госпедуниверситета им.С.М.Кирова

тические планы властей. Их решением Всероссийский комитет был закрыт, собранные им средства реквизированы. Таким образом, церковь была лишена инициативы и участия в этом деле.

Развернулась подготовка к кампании по массовому изъятию церковных ценностей. 23 февраля 1922 г. было опубликовано постановление ВЦИК, в котором сообщалось: «Ввиду неотложной необходимости спешно мобилизовать все ресурсы страны, могущие служить средством борьбы с голодом в Поволжье и для обсеменения его полей, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в дополнение к декрету об изъятии музейного имущества, постановил:

1. Предложить местным Советам в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из церковных имуществ, переданных в пользование группам верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать их в органы Народного Комиссариата Финансов со специальным назначением в фонд Центральной Комиссии помощи голодающим.

2. В целях планомерного проведения этого мероприятия, организации точного учета и передачи органам Наркомфина по особому счету для Центральной комиссии помощи голодающим вышеуказанных ценностей, образовать в каждой губернии комиссию в составе ответственных представителей губисполкома, губкомотдела и губфинотдела, под председательством одного из членов ВЦИКа».²

Против такого насильственного изъятия церковных ценностей выступил патриарх Тихон. Он рассматривал это постановление как стремление скомпрометировать церковь в глазах народных масс. Он говорил: «Нас обвиняют в алчности золота». Но при чем тут алчность, когда мы в полной неприкосновенности храним из глубины веков дошедшие до нас церковные сокровища, имеющие значение святыни или историческое, и хотим сберечь их до будущих веков, и, наоборот, всё, что не имеет такого значения, сейчас же допускаем верующих отдать на помощь голодающим, как имеющее ценность только по материальной стоимости».³

Таким образом, церковь стремилась оказать помощь голодающим Поволжья, призы-

вая всех священнослужителей жертвовать церковные ценности, не имеющие богослужебного значения. Православная церковь стремилась сохранить лишь те церковные ценности, которые имели историческое значение, чтобы передать их будущему поколению.

Наиболее ярко цели и задачи этой кампании отражены в письме В. И. Ленина Молотову от 19 марта 1922 года, в котором он пишет, что в условиях голода «громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддерживать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (...). Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий».⁴

Таким образом, изъятие должно было решить сразу несколько задач: устранить церковь, ликвидировав остатки её экономического могущества, дискредитировать и уничтожить сословие духовенства, пополнить партийную казну средствами для мировой революции и укрепления пролетарского государства.

Кампания по изъятию церковных ценностей проходила во всероссийском масштабе, в том числе и в Псковской губернии.

Кампания по изъятию церковных ценностей в Псковской губернии проходила с середины марта до середины августа 1922 г.⁵

Для исполнения постановления от 23 февраля 1922 года была создана губернская комиссия по учёту и изъятию церковных ценностей в составе председателя комиссии Никитина, членов Сергеева и Никонова, заведующего подотделом по охране памятников искусства и старины Ларионова, представителя Губполитпросвета Богданова, представителей 499-го лефортополка Кукушкина и Фролкова и эксперта Долмацкого.

На заседании этой комиссии 1 марта 1922 г. было принято постановление о том, чтобы пред-

ложить губотделу Управления в пятидневный срок потребовать от церковных советов города Пскова, всех религий заверенные описи церковного имущества, составленные не позднее 1917 года, и инвентарные книги, то есть все те материалы, которые могут дать представление об имеющихся церковных ценностях. На заседании было принято также решение предложить уисполкомам организовать аналогичные комиссии в составе предудисполкома, заведующего финотделом, увоенкома и уполномоченного политуправления, предложив вести работу в контакте с организованными Губфинотделом комиссиями по изъятию ценностей вообще.⁶

24 марта Президиум Псковского Губернского Исполнительного Комитета постановил: все органы Советской власти, организации, учреждения обязаны оказывать Губернской комиссии по изъятию церковных ценностей всяческое и беспрекословное содействие в исполнении её распоряжений; Церковные Советы, общины других культов обязаны предъявлять по первому требованию комиссии церковные описи и все ценности, находящиеся в храмах. За всякую агитацию против изъятия, а также противодействие в прямой или скрытой форме, виновные немедленно должны были предаваться суду Губревтрибунала.⁷

Начать изъятие предполагалось в городах, богатых приходах, благоприятно настроенных, затем переходить к деревне. Замена церковных ценностей хлебом и другими продуктами не разрешалась, в отдельных случаях губкомиссией допускалась замена золотом и серебром равного количества. Жемчуг и другие драгоценные камни как с риз, так и с прочих церковных ценностей также подлежали изъятию.⁸

Учет церковных ценностей осуществлялся Псковской губернской комиссией в присутствии членов церковного совета. При учете церковных ценностей составлялся акт. Ценности, подлежавшие изъятию, оставались на месте до сдачи их в Псковский губфинотдел, и ответственность за их сохранность возлагалась на церковный совет и причт церкви.

28 марта Псковская губернская комиссия произвела учёт ценностей в Благовещенском и Троицком соборах. Были сделаны особые примечания о том, что учёт ценностей производился при отсутствии инвентарной описи цер-

ковного имущества, которая, согласно заявлению причта и членов совета, находилась у бывшего настоятеля Чернозерского, бежавшего в белахы.⁹

На совместном заседании губернской комиссии с церковным советом Троицкого собора и представителями духовенства было принято решение изъять следующие церковные ценности: серебряный кувшин, серебряное водосвятное блюдо, большая серебряная водосвятная чаша, два серебряных подсвечника, один серебряный кувшин, одна серебряная тарелка с подставкой, три серебряных ковшика, четыре серебряных кадила, серебряная лампада с раки, одна серебряная тарелка, четырнадцать серебряных венчиков, две серебряные чаши с полным прибором, серебряная водосвятная чаша (около 20 фун.), одна серебряная цепь, три серебряные чаши с приборами, пять митр, украшенные жемчугом, панагия с бриллиантами и крест с камнями, серебряная риза с иконы Довмонта-Тимофея.

На заседании было решено до пятого апреля предоставить церковному совету право замены учтённых вещей соответствующим количеством равноценного металла.¹⁰

Изъятие церковных ценностей проводилось не только в православных храмах, но и в церквях других религий. Был осуществлён учёт церковных ценностей в Еврейской молельне, в Моленной Старообрядцев Поморских старского согласия, находящейся на Запсковье, в Лютеранской церкви, а также в Римско-Католическом костеле.

Таким образом, в течение марта и апреля был произведён учёт церковных ценностей во всех псковских храмах.

Зачастую изымались почти все церковные ценности, изъятию подлежали и ризы с храмовых икон, что затрагивало чувства верующих. В Псковскую губкомиссию поступало много жалоб от прихожан, обращений от храмов с просьбой о предоставлении им права замены церковных ценностей. Чаще всего на них давался положительный ответ.

Разрешалась замена и наиболее ценных храмовых риз. Например, Варлаамовской церкви разрешалась замена ризы на иконе Пресвятой Богородицы соответствующим количеством серебра, Николаевской железнодорожной церкви - замена ризы на иконе Николая

Чудотворца, Псковоградской Ильинской церкви - замена ризы на иконе Пантелеймона, Псковоградско-Петропавловскому собору - замена ризы на иконе Казанской Божьей Матери.¹¹

В основном, изъятию подлежали даже те церковные ценности, которые необходимы для богослужения. Так, например, поступило заявление от членов церковноприходского совета и причта Псковского кафедрального собора с просьбой исключить пять митр из числа предметов, предназначенных к изъятию, по следующим причинам: митра - это часть архиерейского облачения, и при её изъятии облачение остаётся без существенной принадлежности полного облачения. Митра, украшенная жемчугом, является также предметом искусства, который ничем другим заменён быть не может, а при снятии украшений митра не может употребляться, так как совершенно теряет свой вид и всякую ценность. Жемчуг на митрах относится к одной из разновидностей раковин, а не драгоценных камней, поэтому изъятию не должен подлежать.¹² По данному вопросу был сделан запрос в Центральный Комитет Помгола.

Как процесс изъятия церковных ценностей проходил в уездах, можно рассмотреть на примере Псковского уезда. 9 марта 1922 г. была создана псковская уездная комиссия по изъятию церковных ценностей под председательством преуисполкома Глушенкова. Уполномоченные делали частичный учёт и изъятие и самостоятельно сдавали ценности в Губфинотдел; следом за уполномоченными некоторые приходы также самостоятельно сдавали ценности, конечно, большую часть оставляя у себя в церкви, что в конечном итоге было изъято.

Вся переписка и дела по изъятию ценностей, их приём и сдача велись секретарём уисполкома Боровковым. Президиум уисполкома пришёл к выводу, что необходимо создать Особый Специальный Кадр для изъятия и учёта ценностей, что и было сделано. Были специально назначены особоуполномоченные, приглашены из 1-й псковской артели ювелиров два ювелира Михайлов и Степанов, на время проведения этой кампании привлечены из Псковской уездной милиции два милиционера Гайдудь и Афанасьев, потому что изъятие было связано с опасностями для жизни.

Для специального ведения дел по изъятию, приёмке от уполномоченных и приходов

и сдачи в Губфинотдел ценностей назначили Яковлева. Комиссия была также пополнена представителями уездных учреждений. Членам уездной комиссии было предоставлено право решающего голоса от лица духовенства и верующих Псковского уезда.

Сначала не было специального помещения для хранения церковных ценностей, поэтому их хранили в канцелярском шкафу и в квартире сторожа уисполкома. Но в дальнейшем было предоставлено место для хранения - в камере вещественных доказательств уездной милиции.

Изъятие церковных ценностей проходило следующим образом: на место выезжал особоуполномоченный с экспертом и милиционерами, который на собрании церковноприходского совета и местного духовенства, а также с участием представителя местного воисполкома требовал описи церковного имущества и приступал по ней к учёту и изъятию. В необходимых случаях допускалась замена. В основном, из храмов было изъято всё то, без чего можно совершать богослужебные обряды, как этого требуют каноны.

При изъятии ценностей особоуполномоченный в присутствии церковноприходского совета, духовенства и остальных взвешивал ценности на безмене, а при его отсутствии вес брали из указанных описей или определяли на глаз и записывали в акт об изъятии. После этого особоуполномоченный и отдельные представители церковноприходского совета привозили ценности в Псковскую уездную комиссию. Здесь они принимались по счёту, весу и ещё раз проверялись экспертом. Составлялся акт приёма ценностей Псковской уездной комиссией в четырёх экземплярах, из которых один экземпляр подшивался к делу соответствующей церкви, другой - выдавался церковноприходскому совету, третий - отсылался в Губкомпомгол и четвёртый - предоставлялся в Губфинотдел при ценностях. Процесс сдачи ценностей укомиссией в Губфинотдел происходил следующим образом: собиралась партия серебра из 6-10 церквей и при особой препроводительной с указанием веса, взятого из актов приёма от уполномоченных и приходов, отправлялась на подводе с милиционерами в Губфинотдел. В состав комиссии по приёмке ценностей входили: главный кассир, старший кассир, член губкомиссии Никонов, заведующий

расчетно-кассовым подотделом Губфинотдела Кудрявцев, заведующий делопроизводством Губфинотдела, помощник кассира, счётчик, представитель Псковской губернской РКИ Черкасов, эксперт Долмацкий и представитель Псковского губмузея Казаков.

После проверки и счёта ценностей по актам и по препроводительной они раскладывались по родам предметов: ризы, потиры, кресты, серебряная монета, лом серебра, музейные драгоценности. Отдельно каждая партия взвешивалась на старых больших весах, затем на маленьких, более точных весах и сразу же составлялась опись или акт о приёмке и отправке в Москву в Гохран.¹³

Были разработаны определённые условия транспортировки церковных ценностей с мест нахождения в Гохран. Они подробно разъяснялись в телеграмме-инструкции от 29 марта за подписью председателя ВЦИК Калинина. Все изъятые комиссией церковные ценности должны быть помещены в прочную деревянную или металлическую тару, обязаны верёвкой или проволокой, концы которой должны быть опечатаны или опломбированы печатью соответствующей комиссии по изъятию, а в уездах - печатью уфинотдела. В исключительных случаях допускалась упаковка церковных ценностей в совершенно цельные мешки, причём обвязка должна производиться путём прошивания мешка. Транспортирование ценностей в Гохран поручалось особоуполномоченным. Он принимал ценное с неповреждённой обвязкой и печатями, об этом составлялся соответствующий акт. Он также был ответственным лицом за сохранность и целостность транспортируемого им груза и печати. Транспортировка ценностей должна сопровождаться вооружённой военной охраной. Перевозка ценностей должна производиться транспортными средствами уфинотдела. В случае их отсутствия местная комиссия по учёту и сосредоточению ценностей должна обращаться к военному ведомству. О сдаче ценностей уполномоченным и приёме их Гохраном составлялся соответствующий акт.¹⁴

С транспортированием церковных ценностей было связано много трудностей. 30 мая в Псковский Губфинотдел поступило сообщение о том, что при отправке церковных ценностей в город Псков на станции Остров предста-

вители Островской таможни предъявили требование о вскрытии трёх ящиков с ценностями для осмотра, на предмет обнаружения контрабанды. Несмотря на то обстоятельство, что начальнику надзора было предъявлено командировочное удостоверение Уисполкома и показана опись ценностей, последний всё-таки настаивал на осмотре груза, мотивируя это тем, что в описи значится одно, а в ящиках может находиться другое. Псковским губисполкомом было принято решение о том, что вскрытие ящиков с церковными ценностями не входит в обязанность таможни.¹⁵

19 июня 1922 г. члены губернской комиссии произвели проверку работы Псковской уездной комиссии по изъятию церковных ценностей и нашли изъятие законченным, поэтому было принято решение о ликвидации уездной комиссии.

Об отношении населения к кампании по изъятию церковных ценностей известно следующее.

Псковский епископ Геннадий обращаясь к нему за советами церковникам по поводу изъятия никаких конкретных указаний не давал, а говорил о том, что принципиально против изъятия он ничего не имеет, но сомневается в том, что изъятые ценности пойдут по назначению, тем самым толкая их на сопротивление изъятию. На предложение сочувствующих изъятию церковников о том, чтобы он в целях предупреждения возможных эксцессов обратился бы к духовенству и верующим с воззванием об оказании власти содействия в изъятии, Геннадий ответил отказом, мотивируя тем, что у него никаких документов о голоде нет.

В целом, кампания по изъятию церковных ценностей прошла без крупных эксцессов, но незначительные осложнения в самом начале работ по изъятию все же происходили. Так, например, при изъятии ценностей Псковского кафедрального собора комиссия была вынуждена дважды откладывать работу ввиду того, что при появлении членов комиссии в соборе, там сразу же собиралась толпа из верующих, настроенных против изъятия, и препятствовала комиссии приступить к работе. В последующем, когда комиссии удалось незаметно проникнуть в собор, изъятие все же было произведено. Аналогичный случай имел место и при изъятии ценностей Крыпецкого монастыря.

Подобные явления происходили и при проведении работы в некоторых сельских церквях.

Осложнениями более серьезного характера сопровождалось изъятие церковных ценностей в городе Торопце, где местное духовенство открыто выступило с агитацией против изъятия и даже призывало верующих к вооруженному отпору. В одной из церквей толпой была избита гражданка, высказавшаяся в пользу изъятия, а в другой – собравшаяся толпа упорно препятствовала изъятию и на предложения со стороны комиссии покинуть церковь отвечала угрозами; лишь при помощи милиции толпу удалось рассеять, после чего изъятие было произведено. В последующем, после ареста самых активных противников изъятия, население стало постепенно успокаиваться, и изъятие в дальнейшем проходило без всяких осложнений.

Почти повсеместно по губернии нередко наблюдались случаи, когда священники, стараясь воспрепятствовать изъятию и в то же время не желая брать на себя за это ответственность, вручали ключи от церкви верующим и предлагали им не отдавать ключи комиссиям по изъятию, и таким образом, сами формально оставаясь в стороне, они препятствовали изъятию через верующих.

Значительную роль в изъятии церковных ценностей сыграли также и церковноприходские советы, выступавшие против изъятия.¹⁶

В связи с этим в 1922 г. прошел ряд судебных процессов по обвинению в агитации против изъятия церковных ценностей, в противодействии сдаче церковных ценностей, в укрывательстве церковного имущества. Однако в результате расследования Псковский Губернский Революционный Трибунал выносил либо оправдательный приговор, либо принимал решение о лишении свободы обвиняемых на один год.

Таким образом, в Псковской губернии не было судебных процессов с последующим расстрелом духовенства.

Важным вопросом в кампании по изъятию церковных ценностей стала судьба церковных ценностей, имеющих историко-художественное значение.

В комиссию по изъятию церковных ценностей поступило заявление от прихода Псковоградской Покровской от Торга церкви, в котором говорилось о том, что риза на иконе

Покрова Пресвятой Богородицы представляет собой археологическую ценность: «Икона эта особенно чтимая не только прихожанами нашего храма, но и членами других приходов города Пскова. Икона была хотя и поновлена, но письма весьма древнего, XVI века, того времени, когда устроен сам храм. Риза на иконе тоже древняя, следовательно представляет собой археологическую редкость. А все археологические ценности и редкости весьма дорогие для края должны быть неприкосновенны и свято хранимы».¹⁷

В отношении церковных ценностей, имеющих историческое значение в телеграмме от 12 апреля указывалось, что изъятию подлежали из хранилищ вещи благородного металла и драгоценных камней, только представляющие большую материальную ценность и не имеющие большого художественного музейного значения. Вещи спорного характера не изымались. В Москву и в Главмузей отсылались подробные описания вещей и заключение комиссии. Ковры, картины, ткани изъятию не подлежали.¹⁸

В связи с этим на заседании Губернской комиссии по изъятию церковных ценностей от 18 апреля 1922 г. было принято решение - поручить завгубмузеем произвести обследование иконы Покрова Пресвятой Богородицы на предмет установления её археологической ценности.

Псковский археологический музей обращался в Губисполком по поводу подробного осмотра в археологическом и художественном отношениях некоторых риз. Председатель губкомиссии Никитин дал разрешение на замену ризы с иконы Николая Чудотворца из Никольской церкви города Острова.

Порховское общество изучения местного края обратилось в Губфинотдел с просьбой передать на хранение в Поганкины палаты некоторые вещественные памятники, имеющие надписи и даты, важные для местной истории, например, чаша с датой 1762 года, подсвечники с надписями, относящиеся ко времени Павла I, взятые из Никандровской обители, чаша с латинской надписью и другие.¹⁹

В телеграмме-инструкции от 27 апреля за подписью председателя ВЦИК Калинина подробно разъяснялись условия изъятия церковных ценностей, имеющих музейно-историчес-

кий характер: в случае разногласия между комиссией по изъятию церковных ценностей и представителем главмузея на местах о музейно-историческом характере церковных ценностей – они должны были поступать в Гохран. При транспортировке хрупких и ветхих предметов музейно-исторического характера комиссия по изъятию церковных ценностей должна была строго следовать указаниям экспертов и представителей главмузея: упаковывать такие ценности в отдельную тару и вести особый учёт разрушений и порчи предметов. Небрежности подлежали строгой ответственности. Кроме того, если снятие золотых или иных предметов церковной обстановки грозило разрушением большой музейно-художественной ценности и такая опасность была очевидна, то местные комиссии, не снимая ценности, должны были взять такие ценности на особый учёт, под свою охрану. Они должны также привлекать специалистов для снятия или запрашивать особых указаний в центре. В случае острых разногласий или сомнений самой комиссии допускалась отправка предметов в целом виде в Москву в Гохран при участии представителя губмузея для окончательного рассмотрения.²⁰

С работой Псковской губернской комиссии по изъятию церковных ценностей и с характером вещей, отобранных для музея города Пскова, познакомился эксперт Петроградского отделения академического центра Евгений Тихвинский. Он высоко оценил работу эксперта при Псковском губфинотделе Георгия Михайловича Казакова, которого назвал лицом компетентным в вопросах художественной и археологической оценки предметов церковной утвари. Пересмотрев отобранные им предметы, Тихвинский согласился с произведенной экспертизой и посчитал, что все без исключения предметы, отобранные для музея, имеют историко-художественное значение и подлежат передаче в местный музей без сокращения их числа со стороны комиссии. В докладной записке председателю Псковской губкомиссии Е. Тихвинский одновременно обращает внимание на то исключительное положение, которое Псков занимал в истории развития русского искусства и на всё возрастающий к нему интерес со стороны художественных и научных кругов центра, поэтому результаты изъятия церковных ценностей по Псковской губернии сильно тревожат музейных работников центра. Он

пишет, что был буквально подавлен количеством предметов музейного значения, что Псковская губерния располагает богатством, о каком Петроград не мог и мечтать.

Е. Тихвинский обращает внимание комиссии на то, что акт изъятия церковных ценностей в нашей истории является неповторяемым явлением, потому что извлекаются в настоящее время все достойные внимания церковные ценности и больше их уже нигде не будет. Поэтому для музеев вопрос стоит очень остро – что они возьмут сию минуту, с тем они на веки вечные и останутся, потому что пополнить отдел будет уже неоткуда.

А комиссия, по мнению Тихвинского, не вполне уяснила всю важность происходящего и относится к работе эксперта Казакова недостаточно серьёзно.

Так, несмотря на повсеместно обязательную к исполнению инструкцию Главнауки, говорящей о безусловном оставлении за музеем решительно всех предметов, построенных до 1725 года, независимо от ценности металла, Псковская комиссия оспаривает у Псковского музея несколько золотых предметов незначительного веса и бесспорно XVII века, а также серебряные паникадила Псковского Троицкого собора, составляющие неотъемлемую часть высокохудожественного ансамбля этого храма.

Тихвинский выразил протест против сокращения количества предметов, отбираемых для музея экспертом Казаковым, и просил произвести пересмотр спорных вещей, осмотр вновь отбираемых экспертом ценностей в обязательном присутствии партийного руководства.²¹

13 июня председатель Псковской губернской комиссии Никитин телеграфировал в Москву, что изъятие церковных ценностей закончено: изъято золота, серебра, драгоценностей двести двадцать четыре пуда шестнадцать фунтов.²²

Из приходов и церквей Псковского уезда было сдано в Губфиноотдел 27 пудов 9 фунтов 59 золотников 30 долей разного серебра и драгоценностей общей условной оценкой на 6.516.860.000 рублей старого выпуска, или 651.686 рублей образца 1922 года. Кроме того, из Псковского уезда поступило в Губфиноотдел около 9 фунтов разных ценностей музейного значения без условной оценки и частично без веса.²³

По Островскому уезду было собрано: серебра-10 пудов 33 фунта 78,5 золотников; се-

ребряных монет- 22 рубля 90 копеек; медной монеты- 2 пуда 24 фунта. Жемчуга и драгоценных камней - 1,5 фунта; золота - 7 золотников 36 долей.²⁴

Из Новоржевского и Торопецкого уездов к концу июня ценности полностью ещё не поступили и в других уездах также имелись остатки не отосланных ценностей.²⁵

Изъятию подлежали также церковные ценности закрытых церквей.

Общее количество ценностей, учтённых Губфинотделом, составляло:

1) 262 предмета золотых изделий с драгоценными камнями весом 1 пуд 07 фунтов 3 золотника и 79 долей;

2) 9931 предмет серебряных изделий, вес 289 пудов 03 фунта 47 золотников 32 доли.

Из этого количества было отослано в ГОХРАН 494 предмета серебряных изделий, вес 276558 килограмм. В кассе ГУБФО еще находилось 3301 кг серебряных изделий.²⁶

Всего в результате кампании по изъятию церковных ценностей во всероссийском масштабе были изъяты церковные предметы на сумму более 4,5 млн. золотых рублей.²⁷

Много это или мало? Если сравнить с ожидаемыми большевиками результатами изъятия в сотни миллионов рублей, то цифра оказывается незначительной. Но не только пудами и рублями оценивалось церковное достояние. Его художественная ценность была неисчислимо выше. Гибли уникальнейшие произведения иконописи, ценнейшие образцы церковно-прикладного искусства, уничтожались святыни православия, национальные сокровища России.

О реализации церковных ценностей известно следующее: 1млн. золотых рублей пошел на покупку продовольствия для голодающих, вокруг чего была развернута агитационная кампания. Основные средства были использованы на саму кампанию по изъятию, или, точнее говоря, на кампанию по расколу Русской Православной Церкви.²⁸

Подводя итоги изъятия церковных ценностей в 1922 г., нельзя забывать и о человеческих жертвах. В 1922 году по всей стране прошло 250 судебных процессов, сфабрикованных в связи с «сопротивлением изъятию церковных ценностей». В Москве, Петрограде, Шуе, Ива-

ново-Вознесенске, Смоленске, Старой Руссе состоялись судебные процессы с последующими расстрелами духовенства и других участников сопротивления изъятию ценностей. Наиболее показательные из них прошли в Петрограде с привлечением свыше 80 обвиняемых, было вынесено 4 смертных приговора, в том числе митрополиту Вениамину. В Москве в ходе кампании по изъятию церковных ценностей было вынесено 11 смертных приговоров.²⁹ Московский процесс, на котором в качестве главного свидетеля неоднократно вызывали патриарха Тихона, проходил с 26 апреля до 8 мая 1922 года. 9 мая 1922 года он был заключен под домашний арест в Донском монастыре, а летом переведён в тюрьму. После его ареста церковь оказалась лишённой канонического главы и духовного руководителя. А в сложившейся ситуации она должна была противостоять и государственной власти, и внутрицерковному расколу.

По сведениям бежавшего из России священника М. Польского, в 1922 году общее число жертв, погибших при столкновениях и расстрелянных по суду, было 2691 чел. белого духовенства, 1962 монашествующих, 3447 монахинь и послушниц; всего - 8100 жертв.³⁰ Согласно новейшим данным Православного Свято-Тихоновского богословского института, общее количество репрессированных в 1921-1923 гг. составило 10000 человек, из которых расстрелян каждый пятый – всего около 2000 человек.³¹

Таким образом, в результате кампании по изъятию церковных ценностей государственная власть добилась успеха в нескольких направлениях. Прежде всего, были получены значительные средства не только и не столько для помощи голодающим, но и на другие государственные, внешнеполитические, оборонные цели и на борьбу с церковью, появилась лишняя возможность представить духовенство в качестве противника помощи голодающим, лишить того авторитета, которым оно пользовалось у верующих. Далее, это связанная с изъятием ценностей удобная возможность расправиться с теми, кто сопротивлялся этим акциям, - не только с духовенством, но и с активными прихожанами. Наконец, для масс верующих это было насилием над их религиозной совестью, над поддерживавшими их в жизни этическими принципами.

Примечания

1. Православная энциклопедия. М., 2000, с. 180
2. Русская православная церковь и коммунистическое государство (1917-1941)
3. *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995 г., с. 104
4. Архивы Кремля. Кн. 1 с. 141-142
5. ГАПО. ф. 590, оп. 2, д. 129, л. 139.
6. ГАПО. ф. 590, оп. 1, д. 1015, л. 1.
7. ГАПО. ф. 590, оп. 1, д. 987, л. 112.
8. ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 1015, л. 20.
9. Там же. л. 26.
10. Там же. л. 33.
11. Там же. л. 155.
12. Там же. л. 67.
13. Там же. л. 348.
14. Там же. л. 29.
15. Там же. л. 314-315.
16. ГАПО. ф. 590, оп. 2, д. 129, л. 139.
17. ГАПО. ф. 590, оп. 1, д. 1015, л. 116.
18. Там же. л. 97.
19. Там же. л. 126.
20. Там же. л. 195.
21. Там же. л. 356.
22. ГАПО. ф. 590, оп. 1, д. 1015, л. 328.
23. Там же. л. 334.
24. Псковский Набат. 4 мая 1922 года.
25. ГАПО ф. 590 оп. 1 д. 1015 л. 332
26. ГАПО ф. 590 оп. 2 д. 129 л. 143
27. *Покровский Н. Н.* Политбюро и церковь (1922-1923 гг.) // Новый мир. 1994 г. №8 с. 199.
28. Православная энциклопедия. с. 181
29. Русская православная церковь и коммунистическое государство (1917-1941), с. 69
30. *Кашеваров А. Н.* Церковь и власть. Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб. 1999. С. 295.
31. Там же.